

УДК 94(470)''1917/1930''

РУССКАЯ ВОЕННО-МОРСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1920-Х ГОДОВ О РОЛИ ФЛОТА В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЙ БОРЬБЕ

А. В. Толочко

В 1920-е гг. русские моряки-эмигранты разработали оригинальную концепцию широкого применения флота в антибольшевистской борьбе, которая так и осталась не востребованной политическими и военными лидерами Русского Зарубежья.

Ключевые слова: российская эмиграция, военно-морской флот, борьба с советским режимом.

Оценивая внешнеполитическую ситуацию в мире, особенно после признания СССР ведущими европейскими странами, лидеры эмиграции не питали иллюзий относительно возможности свержения советской власти с помощью интервенции. Это заставляло полагаться, главным образом, на собственные силы, разрабатывать новые варианты вооруженной борьбы против большевиков. Такие настроения были характерны для активной части военно-морской эмиграции, на политические искания которой самое непосредственное воздействие оказал опыт российской революции и гражданской войны.

Став свидетелями превращения любимого детища последних русских императоров – русско-го флота – из столпа государства в одного из активнейших его разрушителей, лидеры морской эмиграции попытались извлечь уроки из анализа этой метаморфозы и попытаться воспользоваться ими во вред большевикам. Анализу этих интеллектуальных усилий и посвящена настоящая статья.

Опираясь на опыт своих противников, эмигранты-моряки пришли к выводу, что флоту должна принадлежать решающая роль в борьбе за Россию без большевиков. «Падение большевиков и замирение России в значительной мере пойдет вдоль рек и, вероятно, прежде всего, морякам придется приложить свои усилия в этом направлении, к чему и необходимо готовиться», – к такому выводу пришли участники заседания Военно-морского исторического кружка в 1929 г. [Морские..., 1929, с. 23].

Эти соображения обосновывались большим экономическим значением моря и флота и изначальной его революционностью. Исходя из данных посылок, формулировались общие условия успеха флотского выступления и разрабатывались основы организационно-штатной структуры и тактики использования флота в вооруженной борьбе за власть.

Важнейшей предпосылкой такого рода работы стал личный опыт морских офицеров – очевидцев политических выступлений на флоте в 1905–1916 гг., свидетелей его развала в 1917 г. и участников Гражданской войны. Тщательному профессиональному анализу подвергался опыт использования флота в гражданской войне в США, действия балканских партизан, сражавшихся против турок, кавказских горцев, воевавших с Россией. Эмигранты внимательно изучали доступные материалы о бунтах германских и австро-венгерских моряков в конце Первой мировой войны, беспорядках в английском флоте в 1931 г. Особое внимание было уделено политическим настроениям в РККФ, отрывочные сведения о которых, равно как и о репрессиях среди командного состава флота, доходили до русской эмиграции.

Такой аналитической деятельностью активно занимались белградское Общество изучения Гражданской войны, парижский Военно-морской исторический кружок, Кают-компания в Шанхае, а также отдельные морские офицеры в 1920-х – первой половине 1930-х гг. Тщательное изучение войн недавнего прошлого приводило их к выводу об особом значении моря и флота в грядущей схватке с большевиками.

Свои соображения по поводу политической и экономической роли действий флота и моря для будущей войны суммировались следующим образом.

Во-первых, снабжение антибольшевистских сил на территории СССР оружием и боеприпасами должно осуществляться преимущественно морским путем из-за границы. Снабжение морем даже в случае наличия сухопутных путей было предпочтительнее, так как это формально не навле-

кало на государство, снабжающее повстанцев, обвинений в нарушении нейтралитета и вмешательстве во внутренние дела.

Во-вторых, морской путь снабжения из-за границы должен обеспечиваться своим, или иностранным союзным флотом. Обеспечение надежности морских коммуникаций являлось важнейшим условием развертывания широкомасштабных боевых действий.

В-третьих, наличие даже небольшого собственного флота позволяло повстанцам быть менее зависимыми от поддержки иностранцев.

В-четвертых, появление за границей военного корабля под флагом восставших продемонстрировало бы всему миру хорошую организацию восстания и кредитоспособность его вождей¹.

В-пятых, собственный флот в ходе гражданской войны мог удержать окружающие державы от желания захватить «под шумок» незащищенные земли. При этом даже слабый флот стал бы важнейшим сдерживающим фактором: произвести территориальный захват тихо оказалось бы невозможно, а возникший вследствие этого международный скандал заставил бы вмешаться другие державы и остановить подобного рода действия.

Другим важнейшим вопросом, привлекавшим внимание военно-морских аналитиков, были дополнительные возможности, которые предоставлял антибольшевистским силам собственный флот. Он мог бы обеспечить переброску войск и снабжение всем необходимым отдельных очагов восстания, участков фронта, расположенных на морском побережье или вдоль берегов рек. Быстрому развитию восстания могла бы способствовать скрытая переброска агитаторов, партизанских отрядов, нелегальной литературы и оружия. Важным фактором успеха стало бы широкое маневрирование силами путем высадки стратегических десантов. Наконец, флот мог спасти восставших: в случае окончательной неудачи он должен «на своей спине вывести и армию, и ее семьи, и мирное население, которым грозит жестокая расправа» [Карпов, 1932а, с. 13].

Подводя общий итог значению флота и моря в будущей Гражданской войне, белградское Общество изучения Гражданской войны признавало, что: «без моря и флота, если не своего собственного, то хотя бы союзного, гражданская война в широких размерах совершенно невозможна» [Там же]. В этом лидеры военно-морской эмиграции видели одну из основных причин неудач сильных, но изолированных от моря восстаний, в частности восстаний в Тамбовской губернии и Кронштадте. Таким образом, по солидарному мнению морских офицеров, не имело смысла начинать новую гражданскую войну без уверенности, что море, хотя бы в ближайшем будущем, перейдет в руки восставших, и они получают поддержку собственного или союзного флота.

Вместе с тем, исходя из внешнеполитических реалий, лидеры военно-морской эмиграции справедливо полагали, что вряд ли какое либо государство предоставит свой флот в распоряжение повстанцев. Поэтому противникам большевиков будет необходим свой военно-морской флот. Заполучить его представлялось возможным только, если бы на флоте произошло восстание. Тогда к нему сразу могли широкие народные массы и часть правительственной армии. На разработке такого варианта развития событий, когда война против большевиков начнется с восстания приморских областей и флота, и когда от иностранных держав потребуется не официальное союзничество, а лишь продажа оружия морем, и было сконцентрировано внимание наиболее решительной части военно-морской эмиграции.

На основе личных воспоминаний о быстром революционном перерождении матросских масс, анализа доступных для них сведений о бунтах и волнениях на флотах других стран, русские морские офицеры пришли к выводу о повышенной революционности флота вообще. Если для других стран, это положение носило отвлеченно-исторический характер, то, по мнению бывшего морского атташе СССР в Швеции старшего лейтенанта А. Соболева, «для нас, русских, он приобретает истинно актуальный характер, становясь одним из интереснейших вопросов сегодняшнего дня» [Соболев, 1932, с. 11].

Характеризуя революционность флота, моряки-эмигранты выделяли ее объективные и субъективные основания. Они подчеркивали, что в состав флота призывали новобранцев в основном из политически наиболее активного элемента – из рабочего класса. Служба на море способствовала выработке в матросской среде гораздо большей сознательной инициативы и ответственности, нежели в солдатской. К тому же матросы были гораздо лучше информированы, чем многие другие категории населения: они видели своими глазами зарубежный мир и, по крайней мере некоторые из них, были способны критически оценивать жизнь народа и общественный строй в СССР.

Последний момент планировалось активно использовать в целях организации пропагандистского воздействия на советских моряков. С конца 1920-х гг. помимо коммерческих пароходов в иностранных портах стали появляться и боевые корабли РККФ (например, при переходе отряда судов из Кронштадта в Севастополь) Соприкосновение советского флота с заграницей, казался эмигрантам чрезвычайно важным. Говоря об этом, капитан 2 ранга Б. Карпов писал: «...Если для нас в дореволюционное время это сравнение жизни нашего рабочего, нашего крестьянина, или нашей культуры городов, сел, обработки земли было не в нашу пользу и революционизировало матроса, особенно при обработке его нашими старыми эмигрантами и революционерами, то легко судить на какие размышления наводит посещение заграницы теперешних краснофлотцев» [Карпов, 1932б, с. 11].

Сложность ситуации признавало и политическое руководство РККФ, предпринимая различные меры по нейтрализации нежелательного влияния на краснофлотцев в период пребывания в иностранных портах. Однако отдавая себе отчет в том, что им придется столкнуться с серьезным противодействием со стороны политработников РККФ, морские офицеры-эмигранты полагали, что, флот не избежит революционизирующего влияния моря и всегда останется уязвимым для пропаганды антикоммунистических и националистических идей. На основании этого делался вывод, что «широкое восстание на флоте вполне возможно и вероятно. И если большевики считают французский и английский флоты своими авангардами, то и мы можем считать их флот нашим авангардом» [Там же, с. 12].

Разумеется, объективно присущая флоту революционность не могла перерасти в сознательное вооруженное сопротивление большевикам сама собой. Решающую роль в этом были призваны сыграть организаторы борьбы с большевиками. По мнению белградского Общества изучения гражданской войны, люди, которые встанут у истоков антибольшевистского восстания, смогут воспользоваться плодами его коллективного творчества, так называемыми «принципиальными мыслями». Излагая их в печати, руководители Общества признавали, что: «мысли эти известны нашим противникам, так как они сами поднимали восстания и сейчас удушают, но в нашей среде они малоизвестны, **так как мы этими делами почти не занимались**» [Там же, с. 13]. В их разработке и распространении морские офицеры видели свой долг перед Родиной. Они считали, что кроме эмигрантов, свободно живущих и мыслящих, заняться подготовкой будущих восстаний и последующей организацией восставших масс на территории СССР абсолютно некому. Военные моряки-эмигранты полагали, что даже самые общие соображения такого рода могли быть весьма полезны при планировании и координации будущего восстания-войны.

Учитывая особенность психологии матросской массы в начальные периоды бунтов – психологию трусов, боящихся как возможных результатов своих действий, так и возможности подавления их даже более слабыми береговыми частями, эмигранты подчеркивали, что перспективу будет иметь лишь одновременное выступление флота и его базы. Недавние исторические примеры говорили сами за себя: бунты на отдельных кораблях императорского флота либо быстро заканчивались сдачей верным правительству силам (например, на «Памяти «Азова»), либо бегством за границу (как поступил экипаж «Князя Потемкина Таврического»). В случае одновременных бунтов на кораблях и в их базах события развивались по-другому. Подавление восстания на «Очакове» при поддержке его береговыми частями вызвало серьезные трудности, а мартовские события 1917 г. на кораблях и базах Балтийского флота и вовсе вышли из-под контроля.

Помимо одновременного восстания флота и его базы очень важным было и расположение самой базы. Наиболее перспективными по местонахождению признавались Кронштадт и Владивостокский порт. В первом случае (при отсутствии льда в Балтийском море) восставший флот смог бы предотвратить переброску верных правительству войск. В пользу Владивостока говорили близость активных эмигрантских очагов, наличие еще окончательно не разгромленного партизанского движения, неразвитость транспортных артерий, затруднявшая доставку карательных войск. Близость нейтрально или благоприятно настроено сопредельных стран давала возможность организовать снабжение восставших необходимым оружием и припасами. При возможных неудачах и из Кронштадта и из Владивостока флот мог эвакуировать всех, кому грозила расправа.

Другие базы флота на территории СССР – Севастополь, Одесса и Николаев – с географической точки зрения казались менее привлекательными, так как они могли быть быстро блокированы и при отсутствии укреплений со стороны суши легко взяты правительственными войсками.

Большое значение придавалось техническому состоянию кораблей. Если в момент восстания в базе, начальству удастся вывести флот в море, то это оборвет связи заговорщиков, как между отдельными кораблями, так и между флотом и его базой в целом. В этом случае в их среде появится чувство изолированности и даже упадок духа, что может привести к провалу восстания. Не случайно уход в море, или интенсивная боевая подготовка в море применялись в императорском флоте именно как способы предупреждения или подавления зачатков волнений.

Вопросу о взаимосвязи интенсивности бунтов на флоте и времени нахождения в море морской эмиграцией уделялось большое внимание. В частности, этой теме был посвящен доклад капитана 1 ранга А. Городысского в Военно-Морском Историческом Кружке в котором на основе большого фактического материала доказывалась обратно пропорциональная зависимость интенсивности бунтов от продолжительности нахождения флота в море. Поэтому к моменту восстания предполагалось повредить судовые машины для предотвращения увода флота из базы и всеми способами саботировать ремонт до начала восстания в самой базе.

Важным фактором успеха в восстании должна была стать умелая пропаганда на территории СССР, прежде всего в военной среде и широких крестьянских массах.

Само восстание должно было готовиться в глубокой тайне и стать полной неожиданностью для правительства. Заговорщикам стоило заблаговременно принять меры по созданию единого централизованного органа руководства подготовкой и осуществления восстания, отложив на время борьбы с общим врагом внутренние противоречия. Во главе восстания должен был встать компетентный и энергичный военный. Особое внимание уделялось необходимости объединения будущих руководителей восстания вокруг единого вождя, ради чего от лидеров эмиграции требовалось умерить личные амбиции.

Считая, что в грядущей войне повстанцы должны использовать все возможные внутренние водные артерии, морские эмигранты разработали теоретические основы применения речных флотилий. Основой для них стал анализ действий белых речных флотилий на Волге, Северной Двине, Каме, Днепре и Оби. Перспективность использования речных флотилий в борьбе против большевиков была обусловлена сочетанием военно-политических и экономических факторов. С одной стороны, сами условия войны в России: прерывистость фронтов, очаговое укрепление речных берегов, помощь местного населения восставшим, возможные переходы правительственных войск на сторону повстанцев давали множество возможностей для действий речных флотилий. С другой – обладание водными артериями восставшими позволяло их использовать и как естественные преграды, и как пути распространения восстания, и как торговые маршруты с заводами и складами по берегам.

Тактико-технические характеристики боевых морских судов делали их использование на внутренних водных артериях малореальным, а специализированных военных речных судов в СССР в конце 1920-х гг. фактически не было. Поэтому в создаваемых речных флотилиях пришлось бы использовать обычные речные суда, захваченные у неприятеля или реквизированные у организаций и частных лиц.

Для захвата нужных судов сухопутным отрядам повстанцев рекомендовалось заранее, до захвата речного порта, отрезать пути к отступлению по реке ниже и выше порта, укрепив удобные места там (желательно на перекатах) тяжелой артиллерией. Только после этого предполагалось осуществлять наступление на порт, желательно во взаимодействии с сочувствующим местным населением, для предотвращения уничтожения кораблей.

Оптимальной организационно-штатной структурой создаваемых речных формирований, по убеждению морских офицеров, должна была стать флотилия, включающая в себя: боевой отряд канонерских лодок, разведывательный отряд, десантно-транспортный отряд, отряд службы связи и траления, команду речной пехоты, отряд береговой артиллерии, учебную команду специалистов, штаб, политическую часть, военно-полевой суд и летучие базы.

Для основных боевых единиц флотилий – канонерских лодок с тяжелой артиллерией, предполагалось использовать большие буксирные пароходы с двигателями на жидком топливе. Основное преимущество использования таких судов заключалось в их быстрой готовности к ходу и отсутствию дыма при движении. В крайнем случае, допускалось использование и буксиров на угле. Помимо буксирных пароходов в качестве канонерских лодок предполагалось использование железных барж, буксируемых пароходами. В этом случае на них было можно установить большее

число орудий, в том числе и тяжелых. Оптимальным вооружением канонерских лодок считались морские 4-х (102-мм) и 6-ти (152-мм) дюймовые пушки, гаубицы, установленные на поворотных площадках и тяжелые пулеметы. Рубки, места установки орудий и машинные отделения рекомендовалось защитить мешками со смесью щебня и цемента. Преимущество такого «бронирования» заключалось в том, что политые водой мешки приобретали прочность бетона, а в случае необходимости уменьшить осадку судна, например на перекатах, могли быть быстро выброшены за борт.

Разведывательный отряд флотилии должен был состоять из моторных катеров среднего размера, с металлическими корпусами. Для поддержки катеров в разведывательный отряд следовало включать 1–2 буксирных парохода (канонерских лодок) с артиллерийским вооружением.

Что касается отряда службы связи и траления, то, по мнению морских офицеров, для него подошли бы любые буксирные катера, главным критерием отбора которых должны стать малая осадка при достаточной мощности судовых машин. Для десантно-транспортного отряда годились бы любые буксирные пароходы на жидком топливе с железными баржами.

Совершенно необходимым элементом структуры речной флотилии считались военно-полевой суд и политическая часть. Военно-полевой суд флотилии был необходим для быстрой и законной расправы с мародерами и политическими противниками. Личный опыт эмигрантов, привел их к убеждению, что даже в условиях гражданской войны необходимо соблюдать хотя бы видимость законности при вынесении смертных приговоров как политическим противникам, так и различного толка мародерам. Затягивание с карательными мерами могло лишь привести к самосудам. Но что гораздо важнее, даже нейтрально настроенное местное население должно видеть в пришедших повстанцах представителей законной власти, защищающей их от притеснений.

В составе императорского флота, как известно, не было штатных структур, имевших четко выраженные политические функции². Однако опыт Гражданской войны и строительства РККФ привел военных эмигрантов к осознанию необходимости таковых. На политические части флотилий, по мнению морских офицеров, необходимо было возложить ведение разведки, контрразведки и пропаганды.

Задачи разведки, возлагаемые на политические части были тождественны разведывательным задачам иных воинских формирований, с учетом специфики флотилий. На решение контрразведывательных задач политической частью эмигранты смотрели уже гораздо шире. Помимо борьбы с разведкой противника, она должна была вести политическое наблюдение в своих подразделениях, и, по возможности, на подконтрольной территории.

Однако главной задачей политической части считалась пропаганда. Офицеры призывали своих сторонников учиться в этой области у большевиков. Следует отметить, что о необходимости такой учебы отдельные морские офицеры говорили еще во время Гражданской войны. Более глубоко эта необходимость была осознана в эмиграции. Например, мичман П. Репин, которому во время Гражданской войны пришлось побывать по обе стороны фронта, указывал на значительное влияние периодической печати на исход политического противоборства на Севере. «...Наши газеты писали главным образом о переходе правописания на советскую систему, что меня несколько удивило, ибо мне казалось, что подобный вопрос в данное время не должен никого интересовать. Совсем не то я видел в Совдепии – где каждые строки пропитаны борьбой, где каждое слово – пуля, направленная против «белоголовых» – здесь ничего, какое-то равнодушное отношение к событиям, полная не заинтересованность борьбой»³.

Для организации пропагандистской работы, политчасть должна иметь заранее разработанную единую «политграмоту», применять которую следовало с учетом специфики среды распространения – рабочей, крестьянской или солдатской. Для доведения основ «политграмоты» в составе политической части включалась типография, и мобильные технические средства радио – и кинопропаганды. При наличии всего этого политическая часть смогла бы «не только вдохнуть энтузиазм в свои войска, но и действовать самым активным образом по ту сторону фронта» [Карпов, 1932в, с. 13].

Речные флотилии должны быть тесно связаны с сухопутным командованием и подчинены ему в оперативном отношении; от него же флотилия должна получать и все необходимое для боевых действий и жизнедеятельности – топливо, боеприпасы, продовольствие, обмундирование. В административном отношении речные флотилии целесообразно было подчинить командованию ближайшего моря. Создавать соединения рангом выше речных флотилий для ведения гражданской

войны считалось нецелесообразным.

Теоретические разработки моряков не вызвали особого интереса у руководства эмиграции. В начале 1920-х гг. некоторые из ее лидеров строили планы вооруженного свержения советского режима. Определенную роль в этом должен был сыграть и военно-морской флот. Так, в 1922 г. на самом высоком уровне рассматривался вопрос о возможности использования кораблей Русской эскадры для проведения десантных операций в районах Одессы и Новороссийска [Русская..., 1998, с. 198–207]. Однако флот при этом должен был ограничиться проведением десантных операций, а в дальнейшем решать военно-транспортные задачи. Пассивная роль, отводимая командованием Русской армии флоту, изначально ослабляла потенциальное антибольшевистское восстание, уменьшало его шансы на успех.

Концепция использования флота в антибольшевистской борьбе, основательно разработанная моряками-эмигрантами так и осталась не востребованной политическими и военными лидерами эмиграции. Серьезные интеллектуальные усилия пропали втуне, и оригинальные теоретические разработки так и остались образчиками русской эмигрантской военно-политической утопии.

Примечания

¹ В 1920 г. подобного рода впечатление произвела стоянка в Константинополе «белого» стационара «Цесаревич Георгий». См.: [Кадесников, 1965; Часовой, 1932, с. 12].

² Их функции выполнялись духовенством.

³ ГАРФ. Ф. 5862. Оп. 1. Д. 12. Л. 11 об.

Библиографический список

ГАРФ. Ф. 5862. Оп. 1. Д. 12.

Кадесников Н. Краткий очерк белой борьбы под Андреевским флагом на суше, морях, озерах и реках России в 1917–1922 годах. Нью-Йорк, 1965.

Карпов Б. Мысли о восстании на флоте // Часовой. Париж. 1932а. № 77.

Карпов Б. Мысли о восстании на флоте // Часовой. Париж. 1932б. № 78.

Карпов Б. Мысли о восстании на флоте // Часовой. Париж. 1932в. № 79.

Морские организации // Морской Журнал. Прага. 1929. № 13(1).

Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 2.

Соболев А. Коммунизм и красный флот // Часовой. Париж. 1932. № 84.

Часовой. Париж. 1932. № 77.

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.06.2010